

ФАНТАСТИКА ПОВЕСТИ А. С. ПУШКИНА «ПИКОВАЯ ДАМА»

В творчестве А. С. Пушкина фантастическая тематика занимает довольно заметное, но очень своеобразное место. Рационалист, холодный скептик по своему мировосприятию, Пушкин не был расположен к мистике, к признанию «двоемирия», к вере в возможность участия потусторонних сил в жизни людей. Но как поэт и человек своего времени, притом с ранних лет знакомый с народными поверьями и суевериями, он придавал большое значение вещим снам, предчувствиям и интуиции. Форма пророческого сна – наиболее частотна в пушкинских текстах. Сон как пророчество, сфера взаимопроникновения рационального и иррационального, становится чрезвычайно важным сюжетобразующим мотивом, помогает узнать будущее, понять настоящее, соотнести обстоятельства своей жизни с волею высших сил. Предсказательны по своей природе сны Татьяны из «Евгения Онегина», Марьи Гавриловны из «Метели», Германна из «Пиковой дамы», Гринева из «Капитанской дочки», Григория из «Бориса Годунова», Адриана Пророва из «Гробовщика».

В современных изысканиях об А. С. Пушкине исследованы и выяснены многочисленные фольклорные и литературные источники этой фантастики, установлены ее связи с фантастикой романтизма, немецкого в первую очередь. Но следует помнить, что интерес к фантастике у Пушкина характерен не только для начального периода его творчества («Руслан и Людмила», «Утопленник», «Вадим»). Он углубляется и конкретизируется по мере эволюции Пушкина-реалиста: в первой половине 1830-х годов мы вновь столкнемся с фантастическими мотивами писателя в «Медном всаднике» и «Пиковой даме». Но эта фантастика носит иной, принципиально новый характер, она не связана ни с фольклором, ни с романтизмом вообще. Ирреальное в этих произведениях получает реалистическое обоснование.

Фантастика «Пиковой дамы», пожалуй, одна из излюбленных пушкиноведением проблем. Среди ученых вставал вопрос о том, есть ли в «Пиковой даме» элементы фантастики, или она всецело реалистична. Приверженцы одного направления на протяжении многих десятилетий доказывали существование фантастики и указывали на все новые и новые ее литературные источники (Измайлов Н. В., Виноградов В. В., Слонимский А., Манн Ю. В., Якубович Д. П.). Другие – настойчиво отвергали существование фантастики в повести Пушкина-реалиста (Гершензон М. О., Степанов Н. Л.). Примирения между двумя направлениями нет по сегодняшний день. Г. А. Гуковский, давший глубокий и тонкий анализ пушкинской повести, считая «колоссальное лицо Германа великой победой пушкинского метода 1830-х годов, его реализма», полагает, что едва ли верно определять «Пиковую даму» как фантастическую повесть, но «все же фантастический колорит ей придан». И хотя в повести «веры в потустороннее нет», тем не менее «Пиковая дама» – и «фантастическая и нефантастическая повесть» [1, 340–367].

Большинство исследователей доказывают, что фантастика у А. С. Пушкина есть, но она особая, и эта «особость» ее в том, что она реалистически мотивирована. А. Слонимский утверждает, что у Пушкина мы находим «совпадение реальной и фантастической мо-

тивировки», т. е. все фантастические явления в повести реалистически обоснованы. «Подлинной фантастикой является только последний момент», который «делает все предыдущее несомненно фантастическим» [5, 519–525]. Эта точка зрения, на наш взгляд, является наиболее правильной и плодотворной.

В повести «Пиковая дама» мы имеем дело с тремя фантастическими моментами:

- рассказ Томского (глава 1);
- видение Германна (глава 5);
- чудесный выигрыш (глава 6).

Тайна трех карт входит в повесть в рассказе Томского. Но она еще не подтверждена событиями. Пока это только «анекдот». Видение Германна сопровождается реалистической мотивировкой (указание на выпитое за обедом вино), но это правдивое объяснение настолько завуалировано, что не устраняет фантастического восприятия всего сюжета, и только выигрыш тройки, семерки, а также туза, вместо которого Германн вытянул пиковую даму, делает содержание повести фантастическим. Таким образом, на грани действительности и фантастики развивается действие – «и чем неуловимее эта грань, чем теснее сливаются реальный и фантастический планы, чем меньше их различие ощущается читателем, тем выше и совершеннее художественное целое» [2, 158]. Именно так и происходит в «Пиковой даме».

На вере в судьбу, в «счастливые» и «несчастливые» карты, основана завязка «Пиковой дамы», начиная с рассказа Томского. Его повествование составляет центр первой главы. Загадочность рассказа контрастирует с небрежно-ироническим отношением слушателей. «Случай! – сказал один из гостей. – Сказка! – заметил Германн». Поэтому история Германна воспринимается первоначально как старинный анекдот. Возвращаясь к теме чудесных карт в конце второй главы, автор употребляет именно это слово. «Анекдот о трех картах сильно подействовал на его воображение». И попав в среду «огненного» и «необузданного» восприятия героя, он приобрел глобальный смысл для Германна и постепенно трансформировался в фантастику.

Далее фантастический элемент развивается в сцене объяснения Германна с графиней. Герой ночью, как вор, прокрался к графине и умолял открыть тайну трех карт. «Это была шутка, – сказала она наконец; кланусь вам, – это была шутка!». Из этих слов следует вывод: графиня сказала ему правду, значит, тайны – нет. Анализируя этот эпизод, Г. П. Макогоненко утверждает, что в данном случае нет никакой фантастики, «просто Пушкин умно иронизирует над увлечениями петербургского света 1830-х годов всем фантастическим» [3, 178]. В «Пиковой даме» отсутствует романтический параллелизм, поэтому нет оппозиции фантастики – реальности. Но, вчитавшись в текст, мы наблюдаем далее, что при упоминании о Чаплицком: «Графиня, видимо, смутилась. Черты ее изобразили сильное движение души». «Нагнетательное синтаксическое движение авторской речи («казалось... , казалось...»), неожиданный патетизм графини, так плохо вяжущийся с ее бытовой речью в начале второй главы («кланусь вам»), – все это знаменует переход анекдота в фантастический план» [5, 520]. Таким образом, двусмысленное поведение графини во время свидания с Германном

дает иллюзию действительно существующей тайны.

В течение повести фантастический элемент все глубже внедряется в реальный ход событий. Попытка Германа узнать три карты, составляющие тайну графини, рушится с ее смертью, виновником которой является он сам. Но призрак умершей старухи открывает ему секрет трех карт, ускользнувший от него при ее жизни. Автор подчеркивает при этом вполне реальные психологически объяснимые обстоятельства, которые предшествовали видению. Германн «имел множество предрассудков» и «верил, что мертвая графиня могла иметь вредное влияние на его жизнь»; и призрак у ее гроба; и то, что он «против обыкновения своего очень много пил, в надежде заглушить внутренне волнение, но вино еще более горячило его воображение...». Таким образом, подготавливается восприятие рокового видения Германа как простой галлюцинации.

Совпадение реальной и фантастической мотивировки происходит и в раскрытии тайны трех карт. Три карты указаны Германну призраком графини: «ТРОЙКА, СЕМЕРКА и ТУЗ выиграют тебе сряду...». Но ранее – во второй главе – дается скрытый намек на подготовку этих же карт размышлениями Германа: «Что, если старая графиня откроет мне свою тайну? Или назначит мне эти ТРИ верные карты?.. А ей семьдесят СЕМЬ лет... Нет! Расчет, умеренность и трудолюбие вот мои ТРИ верные карты, вот что УТРОИТ, УСЕМЕРИТ мой капитал...». В этих раздумьях Германа выделяются две цифры: ТРОЙКА и СЕМЕРКА. Доминирует идея ТРОЙКИ, связанная с идеей ТРЕХ

карт. В таком порядке и называются карты призраком прибавляется только туз. В итоге, фиксирование двух первых карт происходит двояко: извне, со стороны графини, и изнутри, со стороны Германа.

Три карты, сообщенные «мертвой старухой», выигрывают и только его случайная, объяснимая волнением оплошность (или по его убеждению, загробная месть графини, являющейся ему в облике зловещей карты – пиковой дамы) разрушает его третий выигрыш и приводит его к гибели. И как бы естественно и логически ни толковать троскратный выигрыш, видя в нем возможную в азартной игре случайность, но остается тот неоспоримый факт, что выигрывают именно три открытые Германну, заранее известные ему карты, а кем и как они ему открыты, остается необъяснимым. Можно предположить два толкования: реальное, как совпадение случайностей (мало, впрочем, вероятное), и ирреальное (чтобы не сказать – мистическое), как откровение умершей графини.

Таким образом, оба плана – реальный и ирреальный – в повести А. С. Пушкина «Пиковая дама» слиты так, что нет возможности их разделить, тем более, отвести один из них и дать предпочтение другому. В этом слиянии, в отсутствии «прямолинейной» фантастики и заключается мастерство Пушкина. В «Пиковой даме» он дал один из высших образцов мировой фантастической литературы и, вместе с тем, один из глубочайших анализов социальных явлений своего времени. Фантастика и быт русской жизни 30-х годов XIX века сливаются в повести в единое гармоническое целое.

Литература

1. Гуковский, Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля / Г. А. Гуковский. – М., 1957.
2. Измайлов, Н. В. Фантастическая повесть / Н. В. Измайлов // Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра; под ред. Б. С. Мейлаха. – Л., 1973.
3. Макогоненко, Г. П. Гоголь и Пушкин: Монография / Г. П. Макогоненко. – М., 1997.
4. Пушкин, А. С. Сочинения: в 3 т. Т. 3. Проза / А. С. Пушкин. – Минск, 1987.
5. Слонимский, А. Мастерство Пушкина / А. Слонимский. – М., 1963.